

СПЕЦСЛУЖБЫ

**вчера
и сегодня**

Н. С. Батюшин

У истоков русской контрразведки:

**Сборник
документов
и материалов**

Спецслужбы вчера и сегодня

Николай Батюшин

**У истоков русской контрразведки.
Сборник документов и материалов**

Издательство «Кучково поле»

1938

ББК 67.401.132

Батюшин Н. С.

У истоков русской контрразведки. Сборник документов и материалов / Н. С. Батюшин — Издательство «Кучково поле», 1938 — (Спецслужбы вчера и сегодня)

ISBN 978-5-901679-93-7

Книга о генерале Н. С. Батюшине, родоначальнике российских спецслужб, включает в себя его работу "Тайная военная разведка и борьба с ней", воспоминания о юнкерских годах, а также архивные документы и материалы, большая часть которых публикуется впервые. Н. С. Батюшин накануне Первой мировой войны заложил организационные основы российской разведки и контрразведки, разработал основные принципы идеологии новых силовых органов в условиях мирного и военного времени. В годы войны Н. С. Батюшин возглавлял эти специфические структуры Действующей армии, руководил деятельностью разведчиков и контрразведчиков, возглавлял комиссию, расследовавшую факты коррупции в тылу, непосредственно влиявшие на ход вооруженной борьбы.

ББК 67.401.132

ISBN 978-5-901679-93-7

© Батюшин Н. С., 1938

© Издательство «Кучково поле», 1938

Содержание

Генерал Н. С. Батюшин. портрет в интерьере русской разведки и контрразведки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Степанович Батюшин

У истоков русской контрразведки.

Сборник документов и материалов

Генерал Н. С. Батюшин. портрет в интерьере русской разведки и контрразведки

В русской армии со времен Петра I генералы обязательно обозначались по роду войск: от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии. В XX столетии, открывшем эпоху тотального шпионажа, который окончательно оформился в годы Первой мировой войны, впору было бы ввести генеральское звание от разведки и контрразведки или, по-нынешнему, генерала от спецслужб.

Полновесное генеральское звание за заслуги в освоении нового вида оружия, годного и для мирного, и для военного времени, в российской армии первыми получили два кадровых военных – Николай Августович Монкевиц и его тезка Николай Степанович Батюшин.

Занимаясь поиском и изучением материалов для биографии второго русского генерала от контрразведки Н. С. Батюшина, понимаешь, сколь трудна для современных историков задача воссоздать его реальный облик, ибо судьбы и того, и другого генерала будут понятны лишь в контексте крестного пути, выпавшего на долю первого поколения отечественных военных разведчиков и контрразведчиков.

Пионеры своего дела, верные защитники России, ее пламенные патриоты, они должны были ежедневно своей особой, самоотверженной службой под пристальным вниманием коллег – боевых офицеров и унтер-офицеров преодолевать непонимание, а порой и высокомерие царедворцев и царских генералов, многие из которых, как оказалось, безнадежно устарели для ведения вооруженной борьбы в новую эпоху. Нередко у них проявлялось даже преступно беспечное отношение к делу. Преодолеть барьер неприязненного отношения можно было лишь безупречной нравственностью и безукоризненным поведением.

У февральских временщиков 1917 г. первое поколение разведчиков и контрразведчиков оказалось под подозрением, многие из них – в положении изгоев.

В послеоктябрьский период жандармы, полицейские, разведчики и особенно контрразведчики сразу были отнесены к категории заклятых врагов советской власти. В последующие годы государственные и военные архивы с секретными фондами, содержащими материалы российских спецслужб, нужны были не для изучения истории разведки и контрразведки России, а для поиска в них сведений о бывших их сотрудниках и тех, кто с ними был связан. Если обнаруживали среди выявленных еще живых, то их безжалостно уничтожали только за то прошлое, которым они в душе наверняка гордились. Горько сознавать, что эта работа длилась даже не десяток, а два десятка лет; ее прервала лишь начавшаяся в 1941 г. война.

Что же касается военной эмиграции, то, понятно, сведения закордонных агентов советских спецслужб о Монкевице, Батюшине и им подобных проходили по особо ценной информационной рубрике. Как писала русская писательница Н. Н. Берберова, долгие годы жившая за рубежом, они были людьми из «...той среды, которой предстояло быть истребленной». А они и на самом деле в подавляющем большинстве были ликвидированы. Они не оставили потомкам ни рассказов о былом времени, о себе, о делах своих, ни каких-либо документов (конечно, если не считать скорбные, весьма специфические биографические рассказы, исповеди, эпизоды, запротоколированные следователями во время допросов тех из них, кто был арестован и допрашивался в советские годы).

В противоположность этому в Европе, вплоть до Второй мировой войны, знатные и не очень знатные участники тайного фронта издавали свои мемуары. Изданные мемуары неравноценны по содержанию. Однако они позволили увидеть общую картину невиданной доселе по своим масштабам секретной войны. Их содержание стимулировало специалистов обобщить результаты работы разведки и контрразведки, наметить современные пути и определить наиболее эффективные формы, методы и средства ее ведения в настоящем, строить прогнозы на будущее, изыскивать возможности по своевременному новейшему техническому обеспечению этой теперь уже не только военной, но и государственной специфической сферы деятельности.

В ряду этой литературы бесспорно на первом месте стоит книга тогдашнего руководителя германских спецслужб Вальтера Николаи «Тайные силы» (1924). Эта книга – организационный отчет о проделанном, мастерски сработанный для увековечивания себя и своих коллег и в назидание потомкам. Отчет производил впечатление не столько изложением гигантского труда контрразведчиков (о главном, сокровенном в своих делах ни один настоящий разведчик публично никогда не расскажет), а в первую очередь своей, скажем, необычной доселе философией. Подрывная работа во враждебном лагере, без чего нельзя добиться победы в войне, по Николаи, есть комплекс целенаправленных системных мер, осуществляемых разведкой, контрразведкой и иными учреждениями, организованными в государственном масштабе.

Вальтер Николаи убедительно показал, что в XX в. специальные службы стали одной из составляющих современного цивилизованного мира, что в функциональном и организационном отношении они принадлежат государству в целом, а не какому-либо отдельному ведомству.

Вторая книга мемуаров, особенно интересная русским специалистам, принадлежала руководителю австро-венгерской аналогичной службы времен Первой мировой войны Максу Ронге и называлась «Война и индустрия шпионажа» (1930). На русском языке она впервые увидела свет в СССР в 1939 г. под названием «Разведка и контрразведка».

Сюжеты тайной войны, относящиеся к Восточному фронту, противостоянию с разведкой и контрразведкой России, занимали много места в обеих книгах. Причем к российским коллегам – прямым их противникам по ту линию фронта, в первую очередь к Н. С. Батюшину, – авторы указанных книг относились без высокомерия, тактично и подчеркнуто уважительно. На исторической родине хотя бы тысячную долю этого, если не уважения, то понимания!

Однако исторического спора-диалога теперь уже на ниве литературно-исторической, пропагандистской в те годы не получилось. Российские визави немцев и австрийцев вынужденно молчали, многих уже не было в живых. И лишь в 1939 г. в Софии на русском языке вышла книга «Тайная военная разведка и борьба с ней». Ее автором был Генерального штаба генерал-майор Николай Степанович Батюшин. Как его книга явилась первой в ряду аналогичных книг по истории разведки и контрразведки России времен Первой мировой войны, так и настоящий сборник является первым в серии книг о выдающихся русских разведчиках и контрразведчиках начала XX в., предполагаемых к изданию под эгидой «Общества изучения истории отечественных спецслужб». Делается это совершенно осознанно. Именно они заложили основы этих служб, которые уже век и более служили и служат своему Отечеству...

Николай Степанович Батюшин родился 26 февраля (ст. ст.) 1874 г. в мещанской семье в Астраханской губернии (точное место рождения неизвестно). В Астрахани в 16 лет успешно окончил реальное училище – единственное в то время доступное для детей незнатного происхождения среднее учебное заведение. И сразу же после этого, летом 1890 г., сдав испытательные экзамены по «математическим предметам», был зачислен рядовым юнкером прославленного Михайловского артиллерийского училища в Санкт-Петербурге. Мы, видимо, никогда не узнаем, какая счастливая звезда вела за собой юношу с далекого юга на север империи и те счастливые обстоятельства, которые сопутствовали ему при сделанном выборе.

За три неполных года учебы в одном из старейших военных учебных заведений России, исключительно богатом своими передовыми учебными и педагогическими традициями, провинциальный юноша, рано обнаружив свои природные дарования, сразу вошел в число самых успевающих и дисциплинированных воспитанников. В этот срок он последовательно прошел все военные ступени: рядовой юнкер, унтер-офицер, портупей-юнкер и, наконец, по окончании училища по первому разряду был произведен в подпоручики. Именно здесь он сформировался как личность.

В особой атмосфере альма матер, располагающей к серьезной учебе, самообразованию, у него развились такие ценные качества, как творческое отношение к любому делу, основательность и ответственность в решении задач, которые ставила перед ним жизнь. Сильны были в нем тяга к знаниям, ко всему новому. За годы учебы в столице он приобщился к высоким образцам духовной культуры – литературе, поэзии, театру. Как товарищ он был надежен, в отношениях с друзьями – по-особенному прям и честен, никогда не кривил душой.

Не имея ничьей протекции, кроме симпатий ведущих педагогов училища (преподаватель химии хотел видеть его своим будущим коллегой), Батюшин получает направление на службу по специальности в 4-ю Конно-артиллерийскую батарею Виленского военного округа. Служба идет успешно. Сразу по прибытии он назначен учителем в учебную команду двух батарей, а несколько позже становится уже заведующим этой команды.

Дважды во время службы (в общей сложности почти десять месяцев) командование доверяет ему исполнять обязанности делопроизводителя в святой святых военного ведомства – батареей канцелярии. 22-летний офицер, практически юноша, допускался к совокупной, а потому особо секретной, информации о боевой части, ее личном и офицерском составе, служебных и личностных тайнах своих сослуживцев. Не тогда ли его командиры, доверяя ему этот специфический род служебной деятельности, уже уловили в нем качество, обязательное для будущего разведчика, – много знать, но мало говорить. Это называется еще человеческой и офицерской надежностью.

Служба требовала от молодого командира полной отдачи. Он решил навсегда связать свою жизнь с армией и знал, что дальше его путь непременно пройдет через учебу в академии.

В октябре 1896 г. поручик Н. С. Батюшин зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба, ровно через два года учебы переведен на дополнительный курс академии, который «...окончил успешно и за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны».

Летом 1899 г., после успешного завершения учебы, откомандирован по старому месту службы (в Виленский военный округ), но с существенным добавлением в офицерском аттестате: «Для ближайшего ознакомления со службой Генерального штаба» в масштабах округа. Перед офицером, которому пошел всего-навсего 26-й год, но имевшим самое лучшее по тем временам военное образование, открывались новые горизонты. Как ими воспользуется Батюшин? Как проявит себя этот явно честолюбивый офицер? Ответы на эти вопросы не заставили себя долго ждать.

1 июля 1899 г., сразу по прибытии в Вильно, штабс-капитан оказался сначала на дивизионном лагерном сборе 2-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в округе, потом в общем сборе и, наконец, в корпусном кавалерийском сборе. Срок трехчастных учений затянулся почти на два с половиной месяца – с 5 июля по 14 сентября.

На этих сборах свежее испеченному выпускнику академии поручили сначала выполнять обязанности старшего адъютанта и начальника штаба, а затем обязанности и поручения по службе офицера Генерального штаба. Какую оценку получил вчерашний выпускник академии на новом поприще? Временный командующий 2-й кавалерийской дивизией генерал-майор Трегубов в «...аттестации о служебной деятельности причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Батюшина за время участия его в лагерном сборе», заполняя соответствующую

щие графы стандартного итогового аттестационного документа, написал ответ, теперь особо ценный для биографов Батюшина.

На вопрос о том, насколько успешно выполнял обязанности и поручения выпускник академии, генерал собственноручно записал: «Все эти должности и поручения штабс-капитан Батюшин исполнял с безукоризненной точностью и вполне отлично». И далее следуют записи по 4, 5 и 6-му пунктам аттестации: «Отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом как в обращении к старшим и начальникам, так и вообще ко всем младшим себя»; «Здоров, вынослив и неустойчив»; «Самолюбив и чуток к правде и справедливости. Самостоятелен, энергичен, к делу службы относится с любовью и принимает решения на основании здраво-логических выводов, не нуждается в посторонней помощи». Генерал-майор к последнему тексту отдельной строкой добавил явно от себя, без свойственного этому типу документов канцеляризма: «Вообще штабс-капитан Батюшин как человек и офицер во всех отношениях отличный».

Таков ответ на поставленный нами вопрос: большому кораблю явно открывались горизонты большого плавания. И судьба благоволила молодому дарованию.

Два года добросовестной службы в должности старшего офицера конно-артиллерийской батареи, заведующего учебной командой конно-артиллерийского дивизиона завершились приказом по Генеральному штабу от 15 сентября 1901 г. № 38 о том, что Н. С. Батюшин «...причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Варшавский военный округ». В этот же срок вписываются и первая награда – орден св. Станислава 3-й степени (а вообще он станет кавалером шести орденов и трех медалей), и рождение в 1901 г. первого ребенка, дочери (всего у него будет четверо детей – три дочери и один сын).

Вот тот самый поворот судьбы в жизни и деятельности артиллерийского штабс-капитана: он, говоря современным языком, попав в номенклатуру Генерального штаба, прошел служебное испытание и целенаправленно определен на службу в новый для него Варшавский округ. Ну а главное в другом – Батюшин определен осваивать новую для себя отрасль военного дела – разведку. В книге он напишет, что «свою долголетнюю службу» в разведке начал с 1901 г.

Что предшествовало этому назначению, кто увидел в нем будущего разведчика, с кем он встречался и кто убедил высокообразованного классного специалиста сменить профессию, наверняка не получая при этом и малейшей гарантии на успешный карьерный рост в новой должности, мы, пожалуй, никогда не узнаем.

Батюшин об этом повороте в своей судьбе нас, своих потомков, не известил ни прямо, ни намеком. Утешимся лишь тем, что выбор, сделанный столичными генштабистами и самим Николаем Степановичем, оказался исключительно верным. Кому, как не этому офицеру в звании штабс-капитана, в 27 лет уже зарекомендовавшему себя незаурядной личностью, можно доверить новое дело?

Главные служебные вехи Н. С. Батюшина на новом посту, которому он отдал все свои лучшие годы, таковы.

Первая должность его называлась помощник старшего адъютанта штаба округа. Самостоятельным руководителем отделения разведки и контрразведки (официальное наименование должности – старший адъютант штаба округа) станет в мае 1905 г. и пробудет в этой должности до начала Первой мировой войны. Не без внутренней гордости он напишет в своей книге: «Особенную пользу (с позиций разведчика и контрразведчика. – *Авт.*) принесло мне почти десятилетнее пребывание в должности начальника разведывательного отделения нашего главнейшего военного округа – Варшавского (1905–1914 гг.), на долю которого приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией». На практике это означало не что иное, как изнуряющая, без сна и отдыха, без выходных, обязательно с выездами на места, непосредственная оперативная работа на гигантском приграничном пространстве.

Назначению на пост руководителя разведывательного отделения предшествовала командировка на Русско-японскую войну с октября 1904 по май 1905 г. Здесь он исполнял обязанности помощника старшего адъютанта в оперативном отделении управления генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии, даже принял участие в боевых действиях. Именно в условиях военного противоборства с коварным и хитрым противником, несмотря на краткий срок пребывания, он смог реально осознать, что означает в современной войне ее тайная составляющая: масштабы, роль и место в современном вооруженном конфликте.

Становлению Батюшина как разведчика и контрразведчика способствовали старшие, умудренные опытом профессионалы своего дела в штабе округа, заложившие там к этому времени определенные разведывательные позиции и традиции. Так исторически сложилось, что на западных рубежах России, особенно в царстве Польском, на территории которого размещался Варшавский военный округ, клином врезавшийся в территорию двух государств – Германии и Австро-Венгрии, – вырастали первые специалисты этих служб.

По признанию Ронге, разведывательные усилия Австро-Венгрии против великого восточного соседа начали предприниматься в начале 70-х годов XIX в., а в следующие десятилетия шли по нарастающей и при этом в деловом содружестве с немцами.

Назовем лишь несколько имен. Н. А. Монкевиц заложил основы разведывательной деятельности против двух империй – германской и австро-венгерской с территории округа, будучи там на службе с марта 1897 г., последовательно исполняя обязанности сначала помощника, а затем старшего адъютанта штаба округа. Именно к нему в качестве помощника был и направлен Батюшин в 1901 г. Совместная служба их на Саксонской площади Варшавы длилась до лета 1904 г.

Неоценимую услугу разведывательным и контрразведывательным усилиям страны оказывала первая генерация российских военных агентов (атташе) в Австро-Венгрии. Вот их имена: подполковник, а позже полковник Степан Александрович Воронин (1893–1900), полковник Владимир Христофорович Рооп (1900–1905), полковник Митрофан Константинович Марченко (1905–1910), а также их помощники, последовательно сменявшие друг друга (в 1902–1905 гг.), капитаны Н. М. Потапов и М. И. Занкевич. Кстати, полковник Михаил Ипполитович Занкевич будет последним перед войной военным агентом в Австро-Венгрии и попортит немало крови тамошним контрразведчикам. Ронге найдет нужным сказать: «Взамен Марченко мы получили в лице полковника Занкевича столь же опасного руководителя русской агентуры». Тайна вербовки и многолетнего сотрудничества с самым знаменитым в XX в. агентом Редлем, работавшим на российские спецслужбы, скрыта в биографии одного из перечисленных в этом списке лиц.

Об уровне оперативного мышления названных военных агентов можно судить, например, по следующему документу. В 1901 г. В. Х. Рооп в специальной записке, направленной в Генеральный штаб, обосновал необходимость организации русской военной разведки в Австро-Венгрии на принципиально иной основе – путем засылки в эту страну высокочастотных агентов-нелегалов («под чужими именами на постоянное жительство»). Трудно отказать себе в удовольствии привести фрагмент из этой докладной записки. Рооп пишет: «...Не следует забывать, что времена “иду на Вы” отошли безвозвратно в область преданий и что пренебрежение упорядоченной негласной агентурой в данное время может привести к излишним крупным жертвам в решительную минуту, когда уже не будет возврата.»

Инициатива опытного специалиста, к сожалению, не была поддержана в то время под предлогом, что для этого требовались серьезные средства из бюджета. Дело, как очевидно, было в другом: идея Роопа далеко обгоняла свое время. Но уже во времена Батюшина, ближе к началу войны, она начнет реализовываться.

Уместно заметить, что первые аттестации Батюшину (за 1906, 1907, 1908 гг. – начальные годы Батюшина как руководителя разведки и контрразведки), весьма лестные и объек-

тивные, составлял упоминавшийся ранее полковник, а затем генерал-квартирмейстер штаба округа генерал-майор С. А. Воронин. Генерал с высшим военным образованием; он имел за плечами уникальный опыт по изучению своего соседа – Австро-Венгрии, так как служил в округе с 1890 г. Был Воронин там и командиром роты, и состоял для поручений при штабе, со временем стал старшим адъютантом штаба округа. Последняя должность позволила выдвигаться ему на пост военного агента в Вене, где он пробыл ровно семь лет (1893–1900). Генерал-квартирмейстером штаба округа Воронин стал после четырехлетнего пребывания в должности начальника отделения генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба в Санкт-Петербурге. В аттестациях Батюшина, написанных, как видим, уникальным знатоком своего дела Ворониным, есть примечательные для младшего по возрасту и имеющему значительно меньший профессиональный опыт оценки: «Умственные способности отличные»; «Воли твердой, настойчив, иногда чрезмерно впечатлителен»; «Работает очень много, причем проявляет инициативу, самостоятельность взглядов и упорство в их проведении. Но в организации самого дела, в наиболее сложных и трудных случаях не всегда выказывает достаточно умения, живости и сноровки». И, несмотря на это, аттестуемый, по Воронину, является специалистом «выдающимся». Все его аттестации заканчиваются одной фразой – «нравственности безупречной».

На новом поприще учиться пришлось и на горьком опыте в том числе. Четыре месяца спустя после того, как штабс-капитан Батюшин полноправным офицером вошел в парадные двери штаба округа на Саксонской площади Варшавы, случилось невероятное. В конце января 1902 г. он, как и все его коллеги, был буквально потрясен, узнав, что арестован старший адъютант штаба округа подполковник А. Н. Гримм, который являлся агентом разведок двух враждебных России соседних государств. Он был перспективный офицер, по долгу службы имел дело с особо секретными центральными и окружными военными документами, числился на отличном счету у командования и сослуживцев. Этот потомственный дворянин и глава семейства не по принуждению, а по собственной воле, из-за корысти сам предложил свои услуги германской и австрийской разведкам. Те плотно работали с ним начиная с 1895 г.

М. Ронге вынужден признать с горечью: «В 1902 г. разведывательной деятельности против России был нанесен тяжелый удар. В Варшаве был арестован германский агент – русский подполковник Гримм».

После суда над Гриммом, который состоялся в конце мая 1902 г., приговор был подтвержден высшей властью.

Изменник лишался воинского звания, дворянского достоинства, чинов, орденов и медалей и всех прав состояния, исключался из военной службы и ссылался в каторжные работы на 12 лет «с законными последствиями сего наказания».

О состоявшемся суде и о высочайше утвержденном приговоре официально известила ежедневная газета на русском языке «Варшавский дневник», между прочим, назвав в обоих сообщениях лишь статью Уголовного уложения, не раскрывая перед читателями суть преступления. Надо полагать, что суровая кара, постигшая предателя, стала хорошим нравственным уроком для русских разведчиков и контрразведчиков начала века, что совсем немаловажно, зная, в каких сложных условиях протекала их служба.

Позже, после Русско-японской войны, в округе станет правилом: военное руководство, объявляя приказы по шпионским делам, намеренно детально знакомило офицерский корпус с содержанием таких чрезвычайных происшествий («не делая никаких тайн из описания тех приемов, к которым прибегали шпионы в целях собирания секретных военных сведений»). Положительный эффект такого рода «доверия высшего военного начальства к офицерам» был очевиден: «Во-первых, ликвидировало все кривотолки после судебного разбирательства шпионских дел, а во-вторых, воспитывало в должном направлении офицерскую среду, а через нее и солдат в должном исполнении ими гражданского долга. Невольно просачивалось это затем и в толщу гражданского населения, которое являлось таким образом незаменимым сотрудником

агентов правительства», т. е. контрразведчиков. Так оценивал много лет спустя воспитательное значение уроков, связанных со шпионскими делами, генерал Батюшин.

Был сделан и профессиональный вывод на уровне всего военного ведомства. Ужесточались меры по допуску к работе с секретными и совершенно секретными документами и материалами во всех подразделениях. А главное состояло в следующем. По инициативе военного министра Алексея Николаевича Куропаткина специалисты Генерального штаба начали проработку идеи создания в рамках своего ведомства отдельной службы контрразведки. Центральной задачей ее должно было стать противодействие разведывательным усилиям иностранных военных агентов (атташе), в первую очередь из числа стран, принадлежащих к потенциальным военным противникам России. Дело в том, что изменник Гримм некоторое время находился на связи у австро-венгерского военного агента Эрвина Мюллера, выдворенного после случившегося из страны. Тяжелая для армии измена Гримма ускорила обращение А. Н. Куропаткина к императору Николаю II за санкцией об образовании в рамках военного ведомства особого «разведочного отделения». 20 января (2 февраля) 1903 г. царь на рапорте военного министра сделал надпись: «Согласен». Этот день можно считать днем рождения русской военной контрразведки.

В далекой азиатской командировке Батюшину вручили погоны подполковника (предшествующее звание капитана он получил в 1902 г., звания майор в то время в русской армии не было). Очередное по должности звание полковника он также получит в срок – в декабре 1908 г. Руководство разведкой и контрразведкой в самом важном для военной безопасности России Варшавском округе требовало полной самоотдачи. Иногда она прерывалась обязательным участием в сборах по прежней специальности. Это был строго заведенный порядок в большинстве армий мира. Родная армейская стихия оказывалась для него теперь своеобразным отдыхом. Она дополнительно заряжала энергией, убеждала, что выбор сделан правильный, а главное – нужный для Отечества.

С годами Батюшин сформировался полностью как руководитель и оперативный работник. Он отличался исключительной работоспособностью, инициативой, системностью оперативного мышления, имел богатый кругозор специалиста, что позволяло ему принимать нешаблонные решения. Большой вклад в успешную работу отделения вносили его талантливые помощники, офицеры штаба Муев, Терехов и Лебедев.

О реальном вкладе Варшавского округа в безопасность страны можно судить по следующей цифре. В округе, буквально опутанном австрийскими и немецкими агентами, охранное отделение, а затем и контрразведка с 1900 по 1910 г. выявили почти полторы сотни иностранных шпионов (от мелких контрабандистов до офицеров штаба). Об отдельных эпизодах успешной работы контрразведчиков округа рассказывается в книге Батюшина. Правда, до суда удалось довести только 17 дел из 33 обвиняемых. Во всех судебных процессах Батюшин выступал в качестве военного эксперта. Такого рода процессы в России были совершенно новым делом, сама законодательная база ничтожной, и от эксперта требовалось квалифицированно и полно разьяснять сущность преступных деяний по шпионажу.

Несовершенство законодательной базы скоро станет очевидно всем, и в 1912 г. она будет приведена в соответствии с требованиями времени. Забегая вперед, скажем, что инициировал этот процесс Н. С. Батюшин, а непосредственным разработчиком нового законодательства по уголовному преследованию шпионов стал ведущий работник военной прокуратуры округа полковник А. С. Резанов. Совместная работа в штабе округа сделает их на долгие годы единомышленниками и соратниками.

Не хотелось бы, чтобы у читателя складывалось впечатление о легком победном шествии этого талантливого руководителя и оперативного работника к вершинам мастерства разведчика и контрразведчика. Совсем нет. Надо знать, что в те годы обе службы находились в ста-

дии становления. Нерешенных организационных, кадровых, финансовых и правовых проблем было гораздо больше, чем решенных. Инструкций и положений не было и еще не могло быть.

Опыт собирался по крупицам. Идти приходилось в полном смысле по целине. Частично выручали знания, полученные тайными путями об организации и функционировании этих служб в соседних государствах.

Собственно, отделение по разведке состояло из начальника, одного-двух его помощников и нескольких вольнонаемных чиновников. Контрразведкой приходилось заниматься лишь в тех счастливых случаях, когда сама удача шла в руки. Штабы округов испытывали постоянный дефицит в средствах на эти цели. На отпускаемые деньги (сначала 35 тыс. руб. в год, а позже – 8-10 тыс.) трудно было заполучить ценную агентуру и долговременно сотрудничать с ней, приобретать, как водится, за большие деньги предлагаемые зарубежными «инициативниками» секретные документы и шифры, регулярно бывать в командировках, в том числе и за границей.

Постоянной головной болью для руководителя являлось все, связанное с установлением правильных служебных отношений с сотрудниками пограничных и таможенных служб и особенно с жандармскими и полицейскими чинами. Штабу округа по согласованию с руководителем полицейской службы в случае оперативной необходимости выделялся только младший состав – филеры и установщики. Контрразведчики могли пользоваться их услугами и даже руководить их действиями в строго оговоренные сроки. Но без руководителей местных органов безопасности нельзя было осуществлять весь комплекс мероприятий при так называемой «ликвидации» дел по шпионажу, т. е. проведения арестов, обысков, следственных действий в отношении подозреваемых в шпионаже лиц.

По существовавшему закону контрразведчики и их руководитель не имели права на проведение «ликвидации». Это целиком находилось в компетенции жандармерии и политической полиции. Возникла масса несогласованностей, накладок. Правильно выстроенные отношения в процессе оперативной работы между руководителями двух ведомств, или иначе – личностный момент, в таких случаях становились решающими. Всякая попытка принудить чинов иного ведомства исполнять поручения контрразведчиков заканчивалась ничем. В ход шел резонный аргумент: у нас есть свои обязанности, и мы готовы на сотрудничество с вами лишь в «свободное от службы время». На заре контрразведки часто так и случалось.

Не было четко прописанных законов для уголовного преследования шпионов. Случалось не раз, когда избалованные шпионы покидали суды с гордо поднятой головой, так как имеющиеся статьи Уголовного уложения делали их явно шпионские деяния неподсудными. Ни один год не обходился без того, чтобы начальники штабов западных округов (Варшавского, Киевского, Виленского и Одесского) в прямой форме не ставили перед центром все эти вопросы, требуя скорейшего их разрешения.

Ситуация начала решительно меняться в лучшую сторону с 1911 г. Для вооруженных сил страны были найдены достаточные средства. Соответственно выросли ассигнования на разведку и контрразведку. Разведывательные (таково их официальное наименование с 1907 г.) и контрразведывательные (с 1911 г.) отделения как две автономные службы в штабах округов получили свой правовой статус, штатное расписание, финансовое обеспечение.

Рубежным является июнь 1911 г., когда военный министр В. А. Сухомлинов утвердил два важнейших документа по контрразведке: «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкция начальникам контрразведывательных органов». Их подготовка шла в течение ряда предшествующих лет. Ведущая роль в разработке этих документов принадлежала, конечно, ответственным военным специалистам по разведке и контрразведке западных военных округов, среди которых приоритетными считались суждения Батюшина, поддерживаемого постоянно начальником штаба округа.

Положение и инструкция вместе с сопутствующими документами составили ту правовую основу, на которой развернулось строительство контрразведывательных подразделений на

всем пространстве империи. Всего было создано десять отделений КРО в двенадцати существующих военных округах и отдельно Петербургское городское отделение, обслуживавшее в оперативном отношении столицу империи и ее окрестности. В апреле 1912 г. Государственная дума утвердила изменения существовавшего российского законодательства о государственной измене «путем шпионства» (в сторону ужесточения).

Масштабная работа по строительству специальных служб государства явилась вполне оправданной. В воздухе давно пахло грозой. Это особенно остро чувствовалось на западных рубежах страны. Результаты не замедлили сказаться.

Среди множества успешных дел по контрразведке далеко не рядовым оказалось разоблачение начальника гарнизона в спокойном провинциальном польском городке полковника Иоганна фон Штейна. За продаваемые сотрудникам разведки австрийского Генерального штаба военные секреты, добывать которые приходилось в Киеве, Вильно и даже в Санкт-Петербурге, 50-летний полковник, участник Русско-японской войны поплатился 20 годами каторжных работ в Сибири. Разоблачен был и служащий варшавского телеграфа Петр Антонович, передававший секретные документы немецкому разведчику Эрнсту Бену, работавшему в Польше под видом коммерсанта.

Уместно отметить, что оба эти дела, как и многие другие в предвоенный период, распуывал следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов, судьба которого с тех пор тесно переклестнется с судьбой Батюшина. Орлов в 1912 г. на основе специального решения, утвержденного царем, был назначен ответственным судебным чиновником для ведения предварительного следствия по шпионским делам на территории трех западных военных округов – Варшавского, Виленского и Киевского. Он наделялся правом не только самому вести наиболее важные уголовные дела, но и истребовать необходимые ему доклады от других следователей, а также получать необходимую информацию из органов контрразведки и охранных отделений.

Н. С. Батюшин со своей командой был на отличном счету как у руководителей Генерального штаба, так и у непосредственного начальства. Вот каким он представлен окружным генерал-квартирмейстером Петром Ивановичем Постовским при аттестации в 1911 г.: «Умный, серьезный, безупречно нравственный. Строг во взглядах на дела чести, всегда правдив, чрезвычайно самолюбив. Настойчив до упорства в проведении того, что считает полезным для горячо любимой им армии. Не допускает компромиссов с совестью ни в себе, ни в товарищах, ни в подчиненных. Всею душой отдается выполнению трудных обязанностей старшего адъютанта разведывательного отделения. Работает очень много, заставляя усердно работать и своих подчиненных. Всегда самостоятелен во взглядах, вполне способен к личной инициативе и принятию на себя ответственных решений. Вполне здоров. Вынослив. Будет отличным начальником штаба дивизии и командиром кавалерийского полка (по другому, в традиционных положительных аттестациях о военных специалистах, написать нельзя. – *Авт.*). Способен стать во главе ответственного отдела в одном из высших военных учреждений. Выдающийся».

Комментировать этот словесный образ – только портить впечатление от него. Оказывается, надо совсем немного строчек в сугубо канцелярской бумаге, каковой является аттестация, чтобы с их помощью можно и через десятилетия увидеть живого, деятельного человека, о котором его начальнику хочется написать только те слова, которых его подчиненный достоин.

Обращает на себя внимание, что канцеляризм, стандартных словесных фигур в процитированном документе совсем немного. С такой аттестацией согласились и ее подписали видные военные деятели того времени – начальник штаба округа генерал-лейтенант Н. А. Ключев и командующий войсками округа генерал-адъютант Г. А. Скалон.

Н. С. Батюшин рано станет известной фигурой и по ту сторону границ. Его оппоненты, противники, враги – австрийские и германские руководители спецслужб – знают мертвую хватку разведчика Батюшина, масштабность и последовательность его действий. «Кипучую

деятельность» Батюшина признает Ронге: ни себе, ни им он не дает возможности расслабиться ни на один день.

Вот фрагменты из книги Ронге (речь идет о делах накануне войны): «Дом полковника Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей – начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов и женщин. Эти последние особенно охотно использовались в качестве посредниц и вербовщиков... Вербовщики и посредники Батюшина нередко имели целые бюро. Так как у русских количество играло большую роль, то Батюшин имел большую армию доверенных лиц, хозяев явочных квартир, старших дворников и подручных. Чересчур одинаковое снаряжение агентов Батюшина также, несомненно, вредило образцовою в остальном отношении разведывательной службе».

В книге Ронге калейдоскоп событий, имен, многие из которых имели отнюдь не дружеские отношения с Батюшиным и его коллегами, в том числе и по судебной части. Быть верным часовым на самом передовом форпосте Родины – к выполнению такого долга он подготовлен был всей своей жизнью и исполнял свой долг в высшей степени достойно.

Первая мировая война – он ее упорно именует Великой войной – застала сорокалетнего Николая Степановича Батюшина в период зрелости его как специалиста: разведку и контрразведку он знал досконально и к войне был готов. С первых ее дней он начальник разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, а с 29 августа – начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба этого же фронта (причем последняя должность утверждена «высочайшим приказом», т. е. Ставкой Верховного главнокомандования). Уже упоминавшийся В. Г. Орлов в звании младшего офицера находился в его подчинении на скромной должности переводчика, однако с обязанностью участвовать в работе контрразведывательного отделения фронта.

Насколько лично к войне был подготовлен Н. С. Батюшин, настолько к ней не была готова ни русская контрразведка вообще, ни фронтовая в частности. Гибель в районе Мазурских озер (Восточная Пруссия) в августе 1914 г. 2-й армии Северо-Западного фронта стала свидетельством, что германские спецслужбы (в первую голову радио-контрразведка) оказались в данном случае на высоте, и нужно признать, что они вчистую переиграли наших. А были ли вообще контрразведывательные подразделения в 1 и 2-й армиях? Если бы оказался в окружении командующих этих армий хоть один толковый контрразведчик, разве он мог бы позволить общаться командованию с подчиненными посредством открытой радиосвязи? Или в то время сохранение военных секретов на всех уровнях не было функцией контрразведки и контрразведчики не смели требовать этого от старших воинских начальников? А как сами военачальники относились к тайной, все еще не легализованной службе, скрывшейся в штабах под крылышком генерал-квартирмейстеров? Знали ли эти военачальники о существовании такой службы вообще? Прямых ответов на эти и, возможно, еще более жесткие вопросы мы не всегда можем дать. Однако есть косвенные данные, с помощью которых можно увидеть более или менее реальную ситуацию, сложившуюся в те дни в этой военной сфере.

Действительно, начавшиеся суровые военные будни очень скоро заставили убедиться, что круг функциональных обязанностей этих двух служб совсем иной по сравнению с мирным временем. Нетрудно представить, например, насколько расширился диапазон секретных сведений, которые следовало беречь как зеницу ока. Новейшие технические средства (радиоперехватчики, усовершенствованные воздушные шары, самолеты) сделали привычную работу шпионов, лазутчиков (и с той и с другой стороны) малоэффективной.

Технический прогресс в разведке и контрразведке говорил сам за себя, и в этой области, как оказалось, немцы особенно преуспели. С сожалением отметим, что не только на начальном этапе, но и за весь период войны российская контрразведка так и не смогла обеспечить

защиту совершенно секретной информации, распространяемой с помощью радиотелеграфных средств. Войсковое командование в силу новизны этого дела, а иногда по самонадеянности и глупости, не могло и подумать, чтобы к защите этого вида коммуникаций надо своевременно подключить контрразведку. Вместе с тем не нужно снимать определенную меру ответственности и с ведущих контрразведчиков мирного времени, в том числе и Батюшина, которые ни разу прежде не поднимали проблему защиты радиотелеграфной информации специальными техническими средствами. В соответствующих Положениях по контрразведке есть рекомендации о том, как противодействовать шпионажу противника с помощью голубей, воздушных шаров и т. п., но нет и намека на контрразведывательное обслуживание всего комплекса новейших средств ведения войны – радио, телеграфа, шифров, а также целого круга специалистов, частных к этому делу.

Итак, контрразведка нуждалась в основательной перестройке. Требовалось срочно искать новые пути и средства для решения задач, теперь уже в боевых условиях. Однако как ни парадоксально, как ни горько признавать, но не это было главной заботой лиц, ответственных за специальные службы в русской армии. Сначала нужно было их создать! Ибо случилось привычное, российское: опоздали, не подготовились, война началась так же неожиданно, как неожиданно в наши края, по мнению острословов, приходит холодная зима.

Процесс создания и становления органов контрразведки в действующей армии растянулся на несколько первых месяцев войны. Иначе и не могло быть, поскольку реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало. Ради исторической точности надо признать, что штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления Генерального штаба еще в начале 1913 г. подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны.

Руководители Виленского и Варшавского округов, например, задолго до объявления мобилизации рекомендовали Главному управлению ГШ либо увеличить штат существовавших КРО, либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников. Это было необходимо для заблаговременного изучения ими обстановки на театре предстоящих военных действий. Эта мера позволила бы быстро создать костяк новых контрразведывательных аппаратов армейского и окружного звена. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки не оказали. Много пришлось делать на пустом месте и наспех в боевых условиях.

Будет, конечно, несправедливо возлагать на кого-либо особую вину за недостатки и неразбериху первых военных месяцев в сфере спецслужб. Тем более говорить о «преступном бездействии высшего командования», как привычно фиксировалось в исторических трудах недавнего прошлого. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о том, как понимали в военном ведомстве роль и место поистине юных органов контрразведки в масштабной современной войне, а о том, какие направления разведывательно-подрывной деятельности противника им прогнозировались.

По взглядам тех, кто разрабатывал стратегию ведения войны, вооруженная борьба предполагалась достаточно манёвренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе нескольких крупных сражений уже в 1914 г., в крайнем случае – к весне 1915 г. Поэтому роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных мобилизационных планов, стратегических и тактических замыслов ведения боевых действий (особенно на начальном, наиболее сложном этапе войны) и сбережение сведений о новых образцах военной техники.

Проблема обеспечения безопасности в войсках, тем более силами контрразведывательных органов, вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, на их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций. Естественно, никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую

и революционную пропаганду в войсках как противником, так и антиправительственными силами внутри страны.

Недооценка командованием действующей армии и руководством Главного управления Генштаба роли контрразведки в боевых условиях наглядно проявлялась во многом. Например, в статусе КРО в штабной иерархии (второстепенные роли), в тайном существовании контрразведывательных органов от своих граждан и военнослужащих, нежелании вывести их из подчинения (хотя и номинального) начальника разведывательного отделения и предоставить права на прямой доклад начальнику соответствующего штаба.

Много лет спустя Батюшин с горечью скажет: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава». По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, ее сотрудники работали по собственному усмотрению, без общего руководства и поддержки (эти и другие свидетельства подобного рода читатель найдет в публикуемой книге).

Волевой руководитель фронтовой разведки и контрразведки Н. С. Батюшин, поддерживаемый во всех своих начинаниях генерал-квартирмейстером штаба фронта генералом Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который, в свою очередь, пользовался безграничным служебным и личным доверием со стороны главнокомандующего армиями фронта генерал-адъютанта Н. В. Рузского, сравнительно легко преодолел неурядицы начального периода войны. Действующий на протяжении двух с лишним лет (с некоторыми перерывами) тандем Батюшин – Бонч-Бруевич оказался исключительно плодотворным для контрразведки.

В кадровом отношении фронтовые и армейские КРО с самого начала не испытывали особых недостатков. М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Произведенный в генералы Батюшин оказался хорошим помощником, и вместе с ним мы выбрали для контрразведывательного отделения штаба фронта толковых офицеров, а также опытных судебных работников из учреждений, ликвидируемых в Западном крае в связи с продвижением неприятеля в глубь империи». «Энергичным и знающим свое дело» называл Батюшин, например, начальника контрразведывательного отделения фронта жандармского ротмистра Сосновского.

Велика была территория обслуживания фронтовых и армейских КРО: Прибалтика, Финляндия, побережье Балтийского моря, Петроградский военный округ.

По мере накопления опыта становилось очевиднее, что функции контрразведки гораздо шире непосредственного противодействия усилиям вражеских разведок: «Сама жизнь заставляла все более и более раздвигать рамки понятия о контрразведке» (Батюшин). Контрразведчики учились оценивать любую складывающуюся ситуацию с точки зрения оказания помощи в ведении боевых действий на фронтах войны. Поэтому контрразведчики не могли игнорировать в своей работе многие моменты, не предусмотренные в инструкциях и наставлениях. В Петрограде, где имела масса заводов, работающих на оборону, – рабочий вопрос, в Финляндии – проявления «центробежных стремлений финнов и шведов», в Прибалтике – столкновения немецких баронов с латышами – представителями коренного населения. В роли куратора фронтовых спецслужб Батюшину приходилось иметь постоянно дела с высшими правительственными чиновниками. Нельзя ему не верить, когда он говорит: «Кажется, не было министерства, с которым мне не приходилось иметь дело, за исключением лишь Святейшего правительствующего Синода».

Скоро пришли и первые результаты, о которых Батюшин рассказывает совсем скупое. Более щедрым в этом смысле оказался М. Д. Бонч-Бруевич, хотя его новеллы требуют серьезной проверки. Здесь уместно сказать, что изучение деятельности контрразведчиков времен Первой мировой войны пока не началась в тех масштабах и с той серьезностью, которой она заслуживает. Можно быть уверенным, что в этой области историков ждут ценные открытия и приобретения.

Среди важных по своим последствиям оперативных мероприятий, осуществленных под руководством Батюшина, нужно остановиться на пресловутом деле С. Н. Мясоедова. В публикуемой книге дана ее оперативная версия, отличная, кстати, от версии, рассказанной М. Д. Бонч-Бруевичем, непосредственным вдохновителем этого дела. Об этом он и не скрывает, когда цитирует с удовольствием М. Лемке, автора книги «250 дней в царской Ставке»: «Дело Мясоедова поднято и ведено главным образом благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин».

Скандално известный дуэлью с А. И. Гучковым (1912), находившийся в отставке жандармский полковник, близкий человек военного министра Мясоедов с началом войны подвизался в контрразведке 10-й армии Северо-Западного фронта на должности переводчика.

Существуют различные версии, как ему удалось занять эту должность. Однако в рассказах тех, кто убежден в его измене, неизменно присутствуют два момента. Во-первых, в контрразведку Мясоедов пошел служить специально, чтобы с наибольшей пользой работать на Германию, ибо он давно являлся немецким агентом. Во-вторых, способствовал этому не кто иной, как старый друг его, легкомысленный военный министр В. А. Сухомлинов, за что вскоре сам и поплатился.

В результате оперативной комбинации Мясоедов с большой группой поделщиков будет схвачен с поличным, арестован и осужден. В марте 1915 г. 50-летний полковник позорно оканчит свою жизнь – будет повешен. Это событие с помощью газет станет широко известно в стране. После случившегося – в июне того же года – царь под определенным давлением принял отставку Сухомлинова в силу того, что тот оказался скомпрометирован делом Мясоедова.

Военные неудачи России на фронтах, таким образом, списывались с помощью подсказываемой обывателем версии: все дело в нечистых, и даже шпионских, делах столь ответственных лиц империи.

Лица, поднатеревшие в разгадывании дворцовых интриг и подспудных течений, лелеяли свою версию: Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич такой шахматной комбинацией убрал ненавистного ему Сухомлинова, угодничающего перед царем, заменил военного министра удобным для себя А. А. Поливановым. А заодно Верховный главнокомандующий свои военные неудачи прикрыл, как дымовой завесой, шпионским скандалом – дутым делом Мясоедова.

В самом деле, уже в ходе войны родственники осужденных вместе с родственниками казненного преступника будут ходатайствовать о их реабилитации. Активный участник этого дела следователь В. Г. Орлов, до конца дней оставаясь убежденным в измене Мясоедова, тем не менее признавал, что в процессе разбирательства были допущены ошибки и настаивал на скорейшем освобождении невиновных.

Современные нам историки благодаря изысканиям авторитетного специалиста по истории России времен Первой мировой войны К. Ф. Шацилло единодушны во мнении о фальсификаторском характере всего этого скандального дела. Но эти же историки, как и наиболее серьезные очевидцы тех событий, сошлись во мнении: с публичного скандала, связанного с именами Мясоедова и Сухомлинова (последний по обвинению в государственной измене будет арестован в 1916 г.), начинается необратимый процесс крушения царизма. Дело Мясоедова стало лишь первым камнем той гигантской лавины, под которой будет погребена вскоре вся Российская империя.

Оставим и в этом случае свидетелям прошлого очно и заочно спорить между собой, а историкам – право выносить свои авторитетные суждения. В этом сюжете для нас важно другое: контрразведка фронта и персонально ее руководитель полковник Н. С. Батюшин впервые оказались вовлеченными непосредственно в «большую политику». Ее персонажами являлись: царь Николай II и вся его дворцовая камарилья, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и Ставка, командование Северо-Западного фронта (Рузский, Бонч-

Бруевич), Государственная дума, правительство и военный министр Сухомлинов. Вот для них-то и таскали горячие каштаны из огня господ контрразведчики.

Словом, весной 1915 г. фронтовая контрразведка, географически самая близкая к столице, а по ряду дел – и столичная, впервые открыто вышла на политическую авансцену. Но она была на ней не самостоятельным игроком. Плодами, собранными этой жесткой, ловкой, скрытой от людских глаз организацией, умело воспользовались те, кто являлся истинными актерами на российской исторической сцене. Роль же, безукоризненно исполненная контрразведчиком Н. С. Батюшиным, запомнится многим ее участникам.

За эту «роль» Н. С. Батюшин в апреле 1915 г. особо отмечен: «Объявлено высочайшее благоволение за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий».

Порадуемся вместе с Батюшиным за очередное поощрение. Но здесь же вынесем за скобки два вопроса:

Все ли его коллеги и руководители, причастные к этой службе, разделяли с ним эту радость?

Не было ли среди них тех, кто увидел в его усердии карьеристские замашки – достичь успеха любой ценой, даже участием в неправом деле, только потому, что так нужно властителям России?

Последующие события в биографии Батюшина, а также исключительно трудная его бело-гвардейская и белоэмигрантская судьба убедят читателя, что поставленные вопросы не являются неуместными. Политическая составляющая в его оперативной работе, похоже, начала слишком заметно давать знать о себе и ему же во вред. Понимал ли это сам Николай Степанович?

Через несколько дней после этого поощрения полковник Батюшин – признанный специалист в тайной войне – отправился... на строевую службу командовать кавалерийским полком в составе родной ему кавалерийской бригады.

Строевая служба его длилась немногим более трех месяцев – с 21 апреля по 30 июля 1915 г.

Объяснение уходу на несколько месяцев со своего поста Батюшина, руководителя фронтовой разведки и контрразведки, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают. Руководствуясь правилом – «все правдиво о неизвестном», можно предполагать, что самого Батюшина, скажем, уже не устраивал масштаб нынешней служебной деятельности. Он перерос рамки руководителя рутинной работы своих подчиненных по засылке в тыл врага лазутчиков и по поиску во фронтовом окружении аналогичных персонажей противника. На его нынешнее место без особого ущерба для дела можно было бы посадить любого способного организатора и ответственного офицера. Но есть и возражение: такой масштабный руководитель, каким видится нам Батюшин, без подсказки со стороны был способен находить резервы в своей службе, которая была столь необходима именно в эти месяцы катастрофического отступления русской армии на восток.

Бескомпромиссного и достаточно прямолинейного по складу характера полковника Батюшина, скажем, могло удручать и иное. На фоне той неразберихи и упущений, что происходили весной и летом 1915 г. на фронте и в тылу (шпиономания, разгул распутинщины в стране уже набирали силу), деятельность контрразведчиков могла казаться ему совершенно бесперспективной. Образно говоря, у него мог наступить своеобразный «кризис жанра». А раз так, не испробовать ли себя в ратном деле? И опять возражение: не такова натура матерого разведчика и контрразведчика, который явно пасует перед обстоятельствами. Много хорошего уже сделано, что мешает делать еще больше, чтобы переломить в итоге неблагоприятную ситуацию. Вера в незыблемый имперский строй в душе Батюшина не была поколеблена ни на йоту тяжелыми военными обстоятельствами весны 1915 г. Напротив, он был убежден, что в трудные для Родины дни надо еще энергичнее бороться с ее врагами.

Наиболее обоснованной видится следующая версия. 17 марта на смену главнокомандующему войсками СевероЗападного фронта Н. В. Рузскому пришел генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. «У него была манера, – недобро вспоминает М. Д. Бонч-Бруевич, – обязательно перетаскивать с собой на новое место особо полюбившихся ему штабных офицеров. Перебравшись в штаб Северо-Западного фронта, Алексеев перетащил туда и генерал-майора Пустовойтенко. Я остался без должности...» Сломался тандем Рузский – Бонч-Бруевич и как следствие – тандем Бонч-Бруевич – Батюшин. Последнему при новом фронтовом руководстве также, похоже, не нашлось места. Читатель, знакомясь с книгой Батюшина, обязательно обратит внимание на отрицательные характеристики, которые он дает и Алексееву, и Пустовойтенко. Последнего он прямо именует покровителем «шпиона» Лемке, журналиста, якобы пробравшегося в Ставку Верховного главнокомандования с нечистыми намерениями. Можно предполагать, что это отзвук застарелой обиды контрразведчика на двух генералов.

Вскоре все вернулось на круги своя. 12 августа 1915 г. (за несколько дней до этого Северо-Западный фронт был разделен на два фронта – Северный и Западный), дежурный генерал штаба 5-й армии телеграфировал фронтовому командованию: «Вследствие согласия начальника штаба Верховного главнокомандующего на назначение на должность генерала для поручений при генерал-адъютанте Рузском полковник Батюшин откомандирован в г. Петроград по месту назначения».

Последняя запись в сохранившемся послужном списке Николая Степановича, составленном для представления его к генеральскому званию в сентябре 1915 г., выглядит так: «Прибыл и вступил в должность, приказ армиям Северного фронта № 1», и дата – 15 августа 1915 г.

Как видим, лично для Батюшина генералом Рузским, который вернулся командовать Северным фронтом, и с согласия второго человека в военной иерархии тех дней начальника штаба Ставки М. В. Алексеева найдено нестандартное для такого рода военного специалиста решение: он стал особо доверенным лицом, «генералом для поручений при командующем армиями Северного фронта» (генеральское звание он получит этой же осенью).

Судя по некоторым прямым и косвенным данным, задумка у командования ближайшего к столице фронта, поддерживаемого Ставкой, была с дальним прицелом. Начнем с того, что фронтовое командование добивалось и добилося в 1915 г. получения всей полноты власти не только в обширном районе дислокации армий фронта, а это иначе не может быть, но и на территории столичного военного округа и в самом Петрограде. Новый генерал по долгу службы и по поручению командования объезжает с инспекционной целью контрразведывательные отделения в Финляндии, Петрограде, армиях. Наставляет, подтягивает, учит.

В расцвете лет, крепкий физически, по заслугам оцененный фронтовым командованием, известный в верхах, в том числе императору Николаю II, уже не разведчик и контрразведчик в чистом виде, а особо доверенное лицо, куратор этих служб 42-летний генерал Батюшин в середине 1916 г. будет определен на выполнение крупных задач. Эти задачи будут связаны не с воюющим врагом, а напрямую с противниками, находившимися внутри самой империи.

Причем военная элита определила таковыми не революционеров, их партии и партийных лидеров, не радикальное крыло думцев и особо подозреваемых земцев, не руководителей многочисленных общественных организаций и комитетов, облепивших действующую армию. Таковыми стали, как представлялось той самой элите, откровенные разрушители российской экономики в лице финансовых дельцов, биржевых маклеров и иных воротил большого бизнеса, имевших прямой выход на границу. Политической полиции, Особому отделу эта публика была явно не по зубам, в том числе и по причине их коррумпированности, что не было большим секретом в высших кругах империи.

Похоже, была и еще одна причина, которую непосредственные участники тщательно скрывают. Есть ряд прямых и опосредованных свидетельств о том, что исключительно узкий

круг генералитета предполагал силами контрразведки нейтрализовать антигосударственную деятельность явно зловредного, но «дьявольски» неуязвимого Распутина, плотно окруженного с целью охраны отдельными высшими чинами Департамента полиции. Задача эта представлялась военному руководству особо деликатной: здесь легко было неосторожному сломать себе шею, как уже случалось до этого не раз. Пример блистательного в царском окружении генерала МВД В. Ф. Джунковского был у всех на глазах. Он поплатился своей должностью второго человека в органах госбезопасности, потому что позволил себе высказать свое мотивированное нелицеприятное мнение о Распутине самому царю. 15 августа 1915 г. с ним расстались без каких-либо объяснений.

Для выполнения комплекса этих задач, далеко отстоящих от «чистой» контрразведки, и была создана особая команда, которая вошла в историю под названием «комиссия Батюшина». На деле это означало не что иное, как первый опыт ввода контрразведки (пусть и локальной по масштабу – фронтовой) в самую сердцевину политических интриг, участниками которых являлись все без исключения главные действующие лица режима, приближающегося с большой скоростью к гибели.

Сам Н. С. Батюшин позже об обстоятельствах, связанных с именем Распутина, будет неубедительно говорить лишь как о «революционной пропаганде» неких сил, поставивших целью сокрушить царизм путем компрометирования царя и его семейства. Не исключено, что он, активно работавший против Распутина и его окружения, таким способом старался не дать причислить себя к виновникам гибели самодержавия. Но за него спустя десятилетия рассказал один из «посвященных» – генерал Бонч-Бруевич.

Батюшина, похоже, привлекли к делу, руководствуясь простой логикой, которую его начальник изложил много лет спустя: «Я наивно полагал, что если убрать с политической арены Распутина, то накренившийся до предела государственный корабль сможет выправиться». А вот какие аргументы могли пойти в ход: «Контрразведке было известно, что Распутин является сторонником сепаратного мира с Германией и если и не занимается прямым шпионажем в пользу Германии, то делает очень много в интересах германского Генерального штаба. Влияние, которое Распутин имел на императрицу и через нее на безвольного и ограниченного царя (читателю легко определить, когда эта книга впервые увидела свет: в середине 50-х годов. – Авт.), делало его особенно опасным. Понятен поэтому интерес, с которым контрразведка занялась “святым старцем” и его окружением». И далее очень тонкое замечание: «Генерал Батюшин, взявшийся за расследование темной деятельности Распутина, старался не касаться его отношений с царской семьей, Вырубовой и другими придворными, но это было трудно сделать – настолько разгульный мужик вошел в жизнь царскосельского двора».

Обратим внимание читателя на два момента.

Во-первых, мемуарист почему-то не говорит о том, кто и когда поручил контрразведке начать оперативную работу по Распутину. Решиться действовать самостоятельно по такому «объекту» она не могла – не тот уровень. И Бонч-Бруевич – не тот уровень! Н. В. Рузский? М. В. Алексеев? Сговор двух генерал-адъютантов за спиной своего Верховного главнокомандующего? Такое предположение имеет некоторые основания.

Во-вторых, Батюшин, бесспорно, осознанно принял участие в этом деле, видимо, оговоров при этом лишь право не касаться личной жизни обожаемого им государя, его семьи и всего близкого его окружения. Сакральный характер монархической власти остался для него непререкаемым на всю жизнь.

Патриот-контрразведчик, но не царедворец и не политик, дав втянуть себя в крупнейшую политическую игру, не сравнимую по масштабам с делом Мясоедова, не смог разглядеть грозившей ему опасности. Она стала для него роковой и в служебном, и в личном плане. Крах задуманного другими игроками стал в итоге его, батюшинским «Ватерлоо».

Карьера, но не жизнь Батюшина близка к завершению. Впереди отдельный подробный рассказ о перипетиях его теперь генеральской биографии, хронологически очерченной второй половиной 1916 г. и двумя месяцами 1917 г. При назначении он мог думать, что наступил его звездный час. И на пике карьерного взлета, как сказал поэт, «на разливе души», неожиданно потерял всё: доброе имя, Великую императорскую Россию и даже любимую Родину вообще, для благополучия которой он отдал свои лучшие годы.

Удар судьбы был непереносимо трудным. В числе первых пострадавших был он и члены его небольшой команды, а не те высшие военные верхи, которые задумали саму акцию по спасению страны от ее внутренних врагов силами... мизерной группы специалистов, знающих толк в применении особого вида оружия – агентуры, и кто дал «добро» руководителю этой группы.

С имени Николая Степановича Батюшина открывается в российской истории XX в. уникальный скорбный список первых лиц специальных служб, отданных на заклатие политиками в угоду политике.

Цели, поставленные комиссии военной верхушкой, свидетельствовали о потрясающем политическом инфантилизме ее участников, граничащем с примитивизмом, что вообще-то было присуще огромному числу представителей российского генералитета. Среди них оказался и дважды генерал Н. С. Батюшин: и «генерал для поручений», и генерал по званию.

Крайний монархист по политическим убеждениям, сторонник «сильной руки», а потому – враг демократии и парламентаризма, Батюшин мало разбирался в вопросах права (этой сфере государственной жизни он нигде не учился). В дни своего взлета на оперативный Олимп он и сам мог поверить, что силовыми методами, включая и те специфические, которыми он владел мастерски, можно спасти от гибели империю, особенно если у тебя за спиной стоит генералитет всей страны во главе с Верховным главнокомандующим.

До конца дней своих он так и не осознал, что императорскую Россию, а вместе с ней и не одну тысячу таких, как Батюшин, и еще более мощных фигур, снесли с лица земли революционные волны, а не кучка олигархов и их приспешников. Это была трагедия всей страны, общая беда народа. И разовых усилий для предотвращения этой трагедии оказалось совсем недостаточно. Батюшин, не желая того, попал в расставленные им самим силки. Оперативные силки.

Предваряя рассказ о крушении карьеры генерала-разведчика, нельзя проигнорировать еще одну составляющую проблемы – национальную, а точнее, еврейскую. Ее невозможно ни обойти, ни объехать, так как комиссия, предназначавшаяся для наведения порядка в тылу, в экономической сфере, по внутренней логике вещей должна была столкнуться с проблемой еврейской. Чтобы понять ее сложность именно в годы Первой мировой войны, отсылаем читателя к книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе (1795–1995)», а именно к главе 12-й «В войну (1914–1916)». Здесь же воспользуемся необходимыми для нашего изложения фактами, взятыми из его книги.

В трех сопредельных европейских империях (России, Австро-Венгрии, Германии) «..жило три четверти евреев всего мира и 90 процентов евреев Европы, причем сосредоточены они были в театре назревающих военных действий, от Ковенской губернии (затем и Лифляндии) до австрийской Галиции (затем и Румынии)». У оперативных работников, сформировавшихся на западных рубежах страны, а именно таким был Батюшин, отношение к евреям как к народу было, скажем, прямо утилитарное, по-имперски высокомерное, подчас даже с неким налетом черносотенства, как сказали бы сейчас. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Это российская историческая данность, ее роковое наследие.

С большой примесью юдофобии – так уж повелось на Руси – формировались жандармы, охранники различных мастей, а позже и контрразведчики. Мало кто знает, например, что в «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений» (1911) содержалось двадцать пунктов с перечислением лиц, на которых контрразведчики должны были обращать «особое

внимание». Среди различных категорий иностранцев, русских подданных, военных и классных чинов, инородцев упоминались и «комиссионеры (особенно евреи)», а также «лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения)». Агентский корпус спецслужб всех трех государств до войны во многом формировался из числа лиц еврейской национальности.

В условиях войны проблема обострилась стократно. Доктор Д. Пасманник, бывший всю войну на фронте врачом, свидетельствует, что к новому, 1915, году «вдруг по всему фронту и во всех правительственных кругах заговорили о еврейском шпионаже».

В экономической области много нареканий было в адрес евреев-поставщиков. Например, в день вступления в должность Верховного главнокомандующего государь подписал в Ставке приказ, в котором говорилось, что поставщики-евреи злоупотребляют поставками перевязочных средств, лошадей и хлеба для армии; получают от войсковых частей удостоверения, «что им поручена покупка для надобностей войск... но без указания количества покупаемого и района» покупки. Затем «евреи снимают с них в разных городах значительное число нотариальных копий, раздают их своим единомышленникам» и таким образом получают возможность производить закупки в любом районе империи. «Благодаря еврейской сплоченности и значительным денежным средствам ими захватываются обширные районы для скупки главным образом лошадей и хлеба», а это искусственно повышает цены и затрудняет деятельность правительственных заготовителей.

Добавим к сказанному, что на протяжении нескольких месяцев 1916 г. в стенах Государственной думы шли открытые дебаты по различным аспектам еврейского вопроса, т. е. общественность страны практически без перерыва два военных года была вовлечена в публичную полемику по одной из самых острых проблем российской жизни.

Все сказанное по данному вопросу, на наш взгляд, является дополнительным аргументом в ответе на вопрос, почему верховное командование именно контрразведчика Батюшина привлекло к делу – еврейский аспект постоянно присутствовал в оперативных делах его, начиная с первых дней службы в «органах» в Варшавском военном округе.

А теперь обо всем по порядку.

В конце мая 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев добился разрешения Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии в рамках Северного фронта. Создание такой комиссии было вызвано сведениями, регулярно поступавшими из Департамента полиции, а также докладами военной контрразведки о подозрительных банковских операциях в пользу Германии Дмитрия Рубинштейна и некоторых других финансовых воротил (среди них сахарозаводчики Абрам Добрый, Израиль Бабушкин, Иовель Гопнер).

Выбор пал на Генерального штаба генерал-майора Батюшина. Тандем «состоящих при штабе фронта» Бонч-Бруевича и Батюшина, поддерживаемый Рузским, вновь заработал безотказно.

В состав комиссии вошли избранные самим Батюшиным квалифицированные офицеры контрразведки. Среди них – поднаторевший за военные годы в делах по борьбе со шпионажем В. Г. Орлов, в то время официально числившийся на должности военного следователя по особо важным делам при штабе Верховного главнокомандующего.

В течение четырех месяцев 1915 г. В. Г. Орлов вел следствие в составе специально созданной комиссии по делу бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, а ранее – жандармского полковника С. Н. Мясоедова. В слепом угождении начальству замечен не был, мог с достоинством отстаивать свое мнение. Так, будучи членом комиссии, Орлов установил, что около военного министра Сухомлинова длительное время крутился некий делец А. О. Альтшиллер, который, по оперативным данным политической полиции и контрразведки, являлся австрийским шпионом. Однако эти данные следственным путем не подтвердились, что весьма

разочаровало высокое начальство. Об особом мнении Орлова по делу Мясоедова, точнее – некоторых участников этого процесса, ранее уже шла речь.

В комиссию были включены контрразведчики из петроградского КРО – прапорщики Барт и Логвинский. На заключительном этапе комиссия пользовалась также услугами юристов, служивших до войны в Варшавском военном округе и поэтому хорошо знакомых Батюшину. Ими были: полковник Александр Семенович Резанов, соратник Батюшина по Варшавскому округу, помощник военного прокурора столичного военно-окружного суда, автор книги «Немецкое шпионство», написанной на материалах судебных процессов над шпионами в России;

Василий Дмитриевич Жижин, товарищ прокурора варшавской Судебной палаты;

Петр Николаевич Матвеев, судебный следователь по особо важным делам, также из Варшавы, и некоторые другие.

А. И. Солженицын, признав комиссию Батюшина «важной», тем не менее огорчается, что «...не сумели составить ее достойно, добротню», излагая при этом, к сожалению, часть измышлений, сыпавшихся как из рога изобилия на каждого из ее членов в те дни, когда комиссия была повержена: Резанов – «картежник и любитель ресторанной жизни с возлияниями»; «другие подозрительные лица». Об Орлове им сказано как об «оборотне», но применительно не ко времени работы комиссии, а к последующим годам жизни и деятельности человека с исключительно сложной судьбой.

Так можно утверждать, совсем не зная характера Батюшина, его безгранично ответственного подхода к любому делу, тем более к делу особой государственной важности. Мы знаем, каким щепетильным и бескомпромиссным был он в оценке людей, особенно тех, с кем нужно было разделить ответственное поручение. Конечно, не исключается, что в отдельных случаях при общем дефиците специалистов Батюшин мог в спешке опрометчиво воспользоваться каким-либо рекомендованным ему офицером с сомнительными в нравственном отношении качествами (прапорщик Логвинский, например), но костяк комиссии был представлен не этими случайными людьми. Роковая ошибка руководителя комиссии, как мы узнаем, была в сотрудничестве с другими лицами.

Эта полемика с Александром Исаевичем не должна помешать нашей абсолютной убежденности в том, что именно ему, Солженицыну, на сегодняшний день принадлежит наиболее корректное в анализе и емкое, исторически достоверное изложение так называемого еврейского вопроса в России в период Первой мировой войны. И в контексте этой острейшей на то время в стране социальной проблемы следует рассматривать очень многое из того, что произошло с комиссией генерала Батюшина и последующими судьбами ее членов...

В июне 1916 г. в Петрограде, на дверях дома № 90 на Фонтанке, появилась написанная на белом листе бумаги вывеска: «Комиссия генерала Батюшина». Как зачастую бывает и сейчас, денег на оборудование помещения не дали. Вот как описывает «апартаменты» оперативников и следователей один из проходивших на допрос свидетелей: «С большим трудом поднялся я по грязной лестнице, пахнувшей кошками, на третий этаж, нашел нужную дверь. Открыв дверь, вошел в приемную (полутемную переднюю). Единственным предметом мебели тут был грязный топчан, служивший лежанкой для находившегося здесь жандарма. За простым столом, заменявшим письменный, сидел генерал Батюшин».

Примерно так же, как с помещением, обстояло дело с транспортом, связью, командировочными расходами. Но, несмотря на некомфортные условия бытия, комиссия взялась за дело.

А. И. Солженицын, используя неизвестный нам ученый труд 20-х годов (в архивах нами не обнаружены дела оперативных разработок комиссии, хотя в марте 1917 г. они в полном объеме самим генералом были предусмотрительно отправлены в Ставку), пишет, что первой мишенью ее стал банкир Д. Л. Рубинштейн. Он подозревался в «спекулятивных операциях с немецким капиталом», финансовых операциях в пользу неприятеля, дискредитировании

рубля, переплате заграничным агентам при заказах интендантства и в спекуляции хлебом на Волге.

Рубинштейн был арестован распоряжением министра юстиции А. А. Макарова 10 июля 1916 г. с обвинением в государственной измене. Последнее – на счет министра Макарова – вызывает сомнение, ибо случись такое, комиссия Батюшина могла бы спать спокойно. В том-то и дело, что министр юстиции здесь ни при чем: банкир был действительно арестован в начале июля в результате дознания, проведенного самими контрразведчиками (по существующему положению, необходимые права для этого у них были). Здесь-то и начались настоящие сложности. Чтобы дознание перевести в стадию предварительного следствия (Рубинштейн уже несколько месяцев сидел в псковской тюрьме, куда переведен был после ареста в Петрограде), тем самым оправдать состоявшийся арест и в последующем осудить арестованного, для этого необходимо было получить согласие Петроградской судебной палаты. Прокурором последней был один из самых авторитетных юристов России Сергей Владиславович Завадский.

Приведем фрагменты из воспоминаний С. В. Завадского, уверяя читателя, что опубликованные в 1923 г. воспоминания его отличаются большой точностью и редко требуют от историков какой-либо особой корректировки. Батюшин же считал Завадского юристом, зараженным революционными идеями и потому пристрастным.

С. В. Завадский пишет: «Теперь я подошел к пресловутому делу о государственной измене банкира Д. Л. Рубинштейна. Дознание по этому делу производили военные власти: особая комиссия, из состава которой я видел и знал только председателя ее – генерала Н. С. Батюшина и еще полковника Рязанова (на самом деле Резанова. – Авт.), носившего чисто русскую фамилию и говорившего по-русски безупречно, но оказавшегося почему-то лютеранином. Мое отношение к делу выражается лучшего всего старым присловьем: с боку припека. Я уже знал, что Рубинштейн содержится в псковской тюрьме по обвинению в измене, когда ко мне явился генерал Батюшин за консультацией. Все вопросы его в это посещение, а затем и в следующие сводились к одному: есть ли состав преступления в том-то и в том-то. Менялись только приводимые генералом факты, потому что обвинений было множество». (Пропустим конкретные факты из этих «обвинений», подаваемых автором несколько в шаржированном виде. – Авт.)

И далее: «Многое я в настоящее время уже забыл, да подробностей и передавать незачем. Достаточно отметить, что протоколов дознания генерал мне не показывал (да и обязан не был), а довольствовался или передачей копий своих донесений по начальству или словесными утверждениями, будто дознанием уже установлено то-то и то-то... Кое-что в словах генерала было для меня странно; однако не верить ему, что дознание вполне изобличило Рубинштейна, я не имел ни повода, ни права, да и спрашивал меня генерал только о составе преступления. Я отвечал, что состав преступления есть, исходя, конечно, из предположения, что установлены соответствующие факты».

Вдохновленный пониманием ситуации со стороны первоклассного юриста, Батюшин в очередной приход к С. В. Завадскому (вместе с Резановым) «оставил мне все дознание на несколько дней, и я до сих пор не могу забыть того чувства подавленности, которое овладело мною по прочтении этого детского лепета: все слухи, все сплетни, все обрывки без начала и конца. Рассказы генерала были только смелой попыткой реконструкции целого здания из жалких обломков и отдельных кирпичей».

Завадский, спасая ситуацию, пишет для генерала отдельную памятку (шпаргалку), что дополнительно надо установить дознанием, чтобы начать следственные действия, иначе все усилия контрразведчиков обернутся против них и Рубинштейна придется освобождать из тюрьмы. «Батюшин на меня вознегодовал ужасно: против освобождения Рубинштейна он восставал с жаром, говоря, что военное командование этого не потерпит, а дознание, в котором запутался, хотел отпихнуть от себя во что бы то ни стало. Я понимал положение генерала:

продолжать дознание без надежды закончить его удовлетворительно, значило бы еще больше отягчать свою ответственность за длительное содержание человека под стражей без достаточных улик, а идти на немедленное освобождение обвиняемого в порядке следственных действий было бы все равно, что разом подчеркнуть неправильность принятой комиссией меры пресечения. Более того, я отдавал себе отчет в своем положении: каких только собак не повесит на меня командование, да и оно ли одно (намек прозрачный: сам царь Николай II. Значит, в беседах с прокурором Батюшин ясно дал понять, кто стоит за его спиной. — Авт.), когда следователь освободит такую крупную дичь среди отысканных военными властями изменников. Но помочь ни генералу, ни себе я ничем не мог, а должен был подчиняться тому, что мне говорили закон и человеческая совесть.

Генерал Батюшин ушел от меня врагом, и более я с ним не видался».

Заключительную часть поучительнейшего эпизода из истории русской военной контрразведки военной поры, одно из ведущих подразделений которой оказалось вовлеченным в крупную политическую игру в качестве активного участника, расскажем своими словами (первоисточником останутся те же воспоминания С. В. Завадского).

Министр юстиции и одновременно по должности генерал-прокурор А. А. Макаров, которому после случившегося Батюшин пожаловался на прокурора, предложил Завадскому высказать свое мнение по существу дела. Завадский и министру сообщил то, что сказал Батюшину, получив при этом от самого министра одобрение своей позиции. Несмотря на это, Макаров, руководствуясь состоявшимся на данный счет высочайшим повелением, вынужден был пойти навстречу настойчивым усилиям Батюшина и разрешил передать дело на рассмотрение прокурору Варшавской судебной палаты. Хотя из-за такого решения в ложном положении оказалось высшее звено российской юстиции в лице ее министра и столичного прокурора, но с этим считаться не приходилось, так как нужно было выполнять волю императора.

Завадский печально констатировал: «Я еще был прокурором судебной палаты, когда в Петроград приехали следователь Матвеев и товарищ прокурора Жижин для производства следственных действий о Рубинштейне... Со мною повидаться они... признали излишним». 6 декабря (ст. ст.) по прямому настоянию императрицы, на которую, в свою очередь, воздействовал «святой старец», Рубинштейн был условно освобожден из-под ареста под поручительство. Прямое участие при этом принимал и услужливый министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Но следствие не было закрыто, и он вскоре (после смерти Распутина) был арестован теперь уже по постановлению варшавских юристов.

Перед февралем 1917 г. Рубинштейн по законам военного времени как нежелательный элемент был определен административным распоряжением на высылку в двадцать четыре часа в Сибирь под конвоем. Много лет спустя один из современников будет вспоминать: «Надо было видеть, как взбесились все его поклонники, его огромная шайка дельцов, прислужников, маклеров, адвокатов и все “общество”, его окружавшее и кутившее на его широкий счет первоклассного мошенника, обиравшего и морившего голодом русский народ. От этой всей своры некуда было деваться, так как заседали они с приставаниями о различных хлопотах. Конечно, в Петрограде стон стонал (так в тексте. — Авт) об ужасном «антисемитизме», проявленном к этому мученику воровского бизнеса, к этому несчастному Рубинштейну, которому не позволили выехать из Петрограда в собственном автомобиле, а предложили вместе с другими спекулянтами прокатиться до Новосибирска (в те годы — Новониколаевск. — Авт.) в арестантском вагоне за решеткой под конвоем». На самом деле «поездка» в арестантском вагоне не состоялась. Рубинштейн оказался на свободе 28 февраля — был освобожден из тюрьмы «восставшим народом», как писали в то время.

Мы процитировали фрагмент записок Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, твердого каменного большевика из ленинской обоймы, родного брата известного нашему читателю генерала. Вот какую через годы давал он оценку ситуации, сложившейся в стране в этой сфере: «К

сожалению, среди самых наглых спекулянтов продуктами первой необходимости было очень много евреев, которые вели себя отвратительно и нагло... В Петрограде возникли спекулянтские еврейские банки, например банк Рубинштейна, которые выделялись своей черной спекуляцией даже среди других таких же банков, принадлежавших русским, английским, французским трестам. Вот именно эти гады еврейской национальности, делавшие то же самое, что и русские, французы, англичане, армяне и другие, выделяясь своей наглостью, безжалостностью, кровавой жаждой наживы, порождали антисемитизм, который в данном случае проявлялся как ненависть к спекулянтам».

Занося на бумагу в 30-е годы такие несвойственные для ортодоксального коммуниста резкие оценки российского еврейства в годы войны, В. Д. Бонч-Бруевич мог и не знать, что послеоктябрьские правители России не один год пользовались услугами этого вездесущего Рубинштейна.

Приведенные суждения Владимира Дмитриевича, не предназначавшиеся для печати, несомненно, явились результатом его бесед с братом-генералом. Но последний, как ни странно, в своих воспоминаниях на этот счет не был столь категоричен. Он не чурался разделить с контрразведкой фронта и штабом 6-й армии, где короткий срок был начальником штаба, и лично с генералом Батюшиным почетную ответственность по многим успешно проведенным, на его взгляд, оперативным разработкам.

Мало того, В. Д. Бонч-Бруевич с гордостью писал, что за одну из них заслужил гнев самой императрицы Александры Федоровны. Так как это были мемуары «красного» генерала, то последнее он с законной гордостью вписал в свой советский «послужной» лист. И в этом контексте тем более непонятно, почему дела Рубинштейна и сахарозаводчиков и вообще работа комиссии Батюшина остались проигнорированными им в воспоминаниях. Информации типа «контрразведке было известно», что «...за назначение Добровольского министром юстиции Распутин получил от привлеченного за спекуляцию банкира Рубинштейна сто тысяч рублей» явно мало. Или: Батюшин «был для меня своим человеком, и я без всякой опаски посвятил его в свои далеко идущие намерения» (речь шла о Распутине). Наконец: «Русский командировал меня в Петроград для обследования деятельности контрразведки штаба округа, недавно выделенного из состава фронта, и ознакомления с работой комиссии генерала Батюшина» (это декабрь 1916 г.).

Практически этими строчками и ограничиваются свидетельства генерала по одному из крупнейших дел, имевших место накануне гибели самодержавия. Архивные документы, однако, подтверждают, что Бонч-Бруевич в названном деле играл одну из заглавных ролей.

Авторитетный правовед и внимательный наблюдатель всего происходящего Михаил Павлович Чубинский записал в дневнике в январе 1917 г.: «Говорят о предполагаемом уходе из прокуроров палаты С. В. Завадского, и это будет очень печально. С. В. тонкий и умный юрист, который достойно и энергично вел себя в таких сложных и щекотливых делах, как дело Рубинштейна, Манасевича-Мануйлова и других. Удивительно, что даже такой правый, сдержанный и типичный бюрократ, как министр юстиции Макаров, ушел, не выдержав прекращения дела Мануйлова». (О Манасевиче-Мануйлове речь еще впереди.)

Тут же в дневнике характерная приписка, весьма ценная для нас: «Д. Л. Рубинштейн – видный финансист, биржевик и банковский деятель, является одной из колоритнейших фигур нашего времени. Почти гениальный в спекуляциях, чуждый морали, смело оперирующий на границе гражданского и уголовного права, он завоевал себе очень влиятельное положение и в то же время являлся неисчерпаемой темой для рассказов и анекдотов, сделавших его имя чрезвычайно популярным».

Аргументированно, в спокойных деловых тонах сам Н. С. Батюшин излагает эпизоды, связанные с делами Рубинштейна, сахарозаводчиков и иными объектами оперативной разра-

ботки. Тем самым приобщаешься к новому историческому первоисточнику, о котором наверняка не знали братья Бончи и, возможно, не знает Солженицын.

Вот один фрагмент: «Устанавливать за ним (Рубинштейном. – *Авт.*) наружное наблюдение было бесполезно, настолько он был ловок. При обыске, например, у него был найден дневник установленного за ним Департаментом полиции наружного наблюдения. Он был в хороших отношениях с директором этого Департамента Климовичем. Да вообще у него были хорошие знакомства в высших сферах. Накануне, например, обыска у него обедал министр внутренних дел Протопопов. Его очень хорошо знала А. А. Вырубова. Про Распутина, которому он доставал любимую им мадеру, и говорить нечего. Ввиду этого разработка дела Рубинштейна представляла огромные трудности не в техническом отношении, а главным образом благодаря его колоссальным связям в Петрограде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.